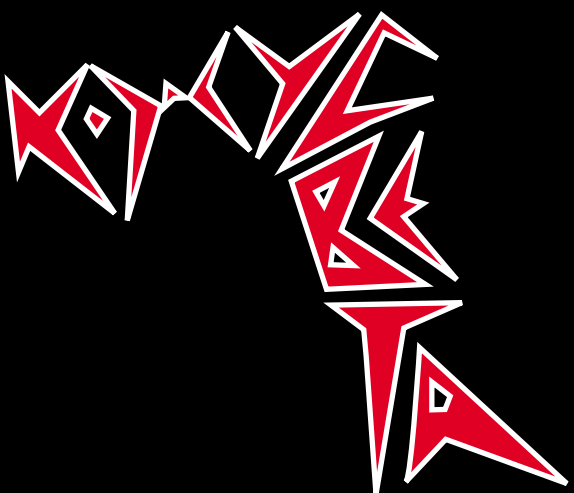

МЕДВЕДЕВА

ЛИДИЯ

Лидия МЕДВЕДЕВА

КОНУС СВЕТА

Стихи

Минск
УП «Технопринт»
2001

Медведева Л. П.

Конус света. Стихи / Л. П. Медведева. 2001. — 64 с.

Лидия Медведева, издав свою первую книгу стихов «Траектория взлета», замеченную критикой и положительно оцененную, тут же взялась за подготовку следующей. И, как видите, хлопоты ее увенчались успехом.

Пристальный взгляд лирической героини, надо сказать, почти не фиксирует тех жизненных неурядиц, попав в которые многие из ее сверстниц бедствуют не только материально, но и духовно. Им сегодня не до лирики — удержаться б на плаву, выжить бы...

Но в то же время — новая книга Л. Медведевой «Конус света» о любви. Похоже, и вправду, возраст — влюбленным не помеха: он лишь углубляет это великое чувство.

*Самая высокобальная, осмысленно-чувственная волна — это
Поэзия. Попасть на ее гребень — величайшее наслаждение и огром-
ное счастье.*

Л. Медведева

Дочери — с любовью .

ДОЛЯ

Доля —
ломоть земного шара,
сдобренный
соленым потом.

Доля —
луч света,
пробившийся
в щель ставня.

Доля —
улыбка ребенка
и поцелуй
на рассвете.

Распахните
окна
настежь
и пейте воздух,
настоянный
на солнечном свете
и запахе
лунного неба.
Не считайте себя
обездоленными,
если есть
мир на земле.

ВОЗРОЖДЕНЬЕ...

Смысл
глубочайший —
в жажде бытия,

в желанье
вдохновенной
ласки света,
что наплывает
с отблеском рассвета,
предвосхищая
благодатность дня.

Не вижу смысла —
в томном помраченье,
когда уходит в тень
закатный пыл...
Но пробил час
мерцающих светил —
и лунное
баюкает свеченье,
и снова —
возрожденье красок дня.

* * *

Безудержная
одержимость
души
и сердца,
и ума.
Не пролетай неумолимо
поток грез,
виденьем сна.
Не будь и тягостным
заветом.
Преодолев судьбы
наветы,
взыграй же
фейерверком света!..

Как одержимая —
сама,
без удержу вкушу
до дна
игру и сердца,
и ума.

РЕПРОДУКЦИЯ

Леночке

Родившись розою,
раскрой
реальность рая,
расплескивая радость
рек,
ручьев,
рассветов,
разыгравшихся раскатов...
Рисуясь,
развлекаясь,
рукоплеща,
росою рассыпаясь
робкой ранью,
репродуцируй
Беларусь!

ДИРИЖЕР

Он творит движением рук.
Он снимает с бессмертья слепок.
И рождается сложный звук —
зов давно минувшего века.

И жар-птица воскресла вновь,
обрела иную реальность,

чтоб, излив и любовь, и боль,
возыметь души первозданность.

* * *

Если
теплится надежда,
если
расцветает нежность,
если
яркие закаты
грезят
трепетный восход
и зовет простор крылатый —
значит верен жизни ход.

И отточенность
мгновений
отчеканивает звенья.
И встает рассвет,
как песня,
утверждая
жизни ход...
Но из всех чудес
прелестней —
вдохновенья быстрый взлет!

* * *

Долгожданность
платит данью
непорочной глубины,
чистотою обаянья,
исключением вины,
обретением сознания,

опьяненного огнем
созревающих желаний
рваться к счастью
напролом
с неумностью порыва,
обретающего суть...
Выросли живые крылья —
и поет
восторгом грудь.

* * *

Дождь, лаская лепестки жасмина,
каплет в кипень нежно-белых звезд.
Воскрешая бесподобный лоск,
ниспадает ароматный ливень.

Буйство струй и усмиренье гроз.
Вся земля надеждою согрета...
Снова брезжит в неге предрассветной
торжества вселенского восторг.

* * *

Что-то есть
от Мендельсона
в обладанье полутона.
Красота
и вдохновенье —
в сладко-радостном
терпенье.
Приглушенность чувств
созвучна
милой трепетности звука —
очарованно-печальной,

заороженно-прощальной,
увлекательно-воздушной
и совсем не грустной.

* * *

Чистота сокровенного взгляда,
углубленного в таинство мыслей,
озаряет земное познание,
отрешившись от бездны ночной...
И среди удаленных и близких
звезд, лучащихся в бархате сводов,
вспыхнет чуда единственный выплеск.
Обрети его, светоч свободы!

* * *

А.С. Пушкину

Блеск и естество
сплавлены навечно
страстью его строф
общечеловечьих,
музыкой строки,
вылитой сознанием
верного слуги
высшего призванья.

Не постичь умом
кладезь вдохновенья,
где живым узлом —
пылкое томление,
брызжущий заряд
мужества и смеха,
беспримерный лад
мыслей человека.

* * *

В глаза взглянуть —
воочию увидеть...
И робость усмирить.
И соразмерить
пыл души,
игру воображенья
с мучительностью
данного мгновенья —
смятение
и сердца,
и ума.
В сей жизни все
к поспешности стремится:
в калейдоскопе
и живые лица,
и чувства,
и горение сердец,
и строгий взгляд,
и — слово, наконец...
Лишь
почитание неотразимо —
не остужает,
не проходит мимо.

* * *

Из струн души
касанием нежных звуков
извлек твой голос
трепетный мотив
любви и поклоненья.
А разлука
манит надеждой

и сулит порыв
на новое
прекрасное общенье
с волшебным замиранием
в крови...
О, это упоительное пенье
и торжество
сжигающей любви!

* * *

С васильковой улыбкой
разливается теплынь.
Колокольчик бьется шибко
и звенит в полях — динь-динь!

От игривого порыва
озорного ветерка
конь надежды, взвев гриву,
лихо мчит под облака.

Сказка вольного полета
восхитительной мечты
оросит земные всходы
эликсиром красоты.

* * *

Сарасате,
Сарасате —
танец страсти
и азарта!
В звуках
сладкого мгновенья —
всплески чувств,

души кипенье
и огня святая пляска,
очищенье,
стон
и ласка,
и блаженство,
и услада...
Боль уходит
без возврата.
Заманила,
закружила,
покорила,
опьянила...
Сарасате!

* * *

Вздохнул бутон —
и выметнул корону:
узорных лепестков
поющих венчик,
благоуханье
трепетных флюидов,
вобравших
свежесть рос
и ласку солнца...
Вдохнула грудь
соцветий дуновенье
земли, явившей
чудо обновления.
Зачаровала
сказка бликов света.
Блаженством полнит
упоенье жизнью!

* * *

Зарябила в глазах рябинушка
алыми гроздьями.
Стелет во поле злая зимушка
белые простыни.

Красны ягоды превратил мороз
в льдинки-бусины.
И поет метель в тишине берез
песни грустные.

* * *

Якубу Коласу

Имя твое
от колоса золотого —
зерна
народной мудрости
в нем.
Слава твоя
озарила
память
потомков
Вечным огнем.

Благодатна земля,
рождающая
таких колоссов.
Родники чистой веры
вливая в завтрашний день,
поет о мире поле
отборных колосьев...
Мы с поклоном пришли
под могучего дуба сень.

ИСТОК

Звезда в колодеце —
отраженье сути.
Глубок колодец
праведной души.
Поскольку о себе
не строго судишь,
другим упреки
делать не спеши.
А лучше —
черпай воду из колодца
и,
отдавая ближнему глоток,
познай
глубокий смысл
понятья «кротость» —
радушия и благодати исток.

* * *

Золотая мечта наяву
в изумлении лет достойных,
коим верность — святое условие,
не дающее повод злу.

Красота золотых сердец
в обрамлении звонких весен —
золотою свадьбой зовется,
где любовь — дорогой венец.

* * *

Произнеси — благослови,
возвысив сущного значенье —

моей бунтующей крови
и наслажденья, и мученья.

И слов восторженный полет
захватит и вскружится роем.
И очевидность оживет,
забыв про мелкое, пустое.

А предначертанность судьбы
и вовсе я не отвергаю...
Мне нелегко собою быть,
но быть собою продолжаю.

БОГАТСТВО

Назвала меня как-то мама
лопушонком милым, упрямым.
И была у нас в огороде
лопухам привилегия, вроде, —
очень пышно росли и рьяно:
не хотела их выполоть мама.
Я считала своим богатством
лопушиное это царство.
В моей сказочной детской были
лопухи зонтами служили.
Лопухи мне крышу давали —
в шалаше я летом дневала,
постигая уютность быта...
До сих пор все то не забыто.

* * *

Ах, ромашки,
ох, ромашки!
Где-то — нечет,
где-то — чет...

Отнесу
веночек Маше —
может,
сердцем расцветет?

Улыбаются
ромашки —
оправдался
мой расчет.
И теперь
живем мы с Машей,
дни листая:
нечет — чет.

ЛОЗА

Лоза живая.
Плодородье юга.
Набрали силу
солнечные грозди.
Лоза мне —
как любимая подруга,
как побужденье
на высокий подвиг.

Надежность есть
в природном совершенстве,
в отдаче
благодарной и весомой...
И радость
благодатного свершенья
пьянящим вздохом
перехватит горло.

АУЛ

Ступенчато-высотный небоскреб —
в нем мощь орла, журчанье горной речки,
февральский незатейливый сугроб...
И вековая суть любви сердечной.

Здесь дух отцов и дедов узаконен
и возведен в обычаев канон.
Здесь долгожительство пустило корни,
как эдельвейсы в каменистый склон.

* * *

Звучно запела свирель
в крепких руках чудодея.
Прячу округлость колен
в травы, от счастья немея.

Замысловатая цепь —
радуги пестрой подкова.
Ярко вплетается степь
в музыку вольного слова.

Славят пречудную быль
песни созревшего лета.
Подсеребрила ковыль
вечно седую планету.

ШУТКА

Крапива-крапивушка —
детская забава.
Если заупрямишься —
высечет на славу.

Не люблю
доносчиков,
ябед привередливых,
нытиков и прочее.
А крапива —
вьедлива.
А крапива —
жгучая:
тело все изнается...
Не ищи же
случая
близко познакомиться.

МОРОШКА

Бисер севера — морошка,
щедрость ветреной земли,
падает на дно лукошка
в свете тающей зари.
Хмурой пеленой тумана
все окутано вокруг...
Ощущенье океана
бросит мне спасенья круг.

* * *

Не сочту ненужной пустошью
захолустную окраину,
где озерной синей роскошью —
незабудка полевая.

Где шмели, подвластны норову, —
все жужжат, неугомонные...
Суета уходит в сторону,
облака колыша сонные.

* * *

Причудливы зимы напевы —
звенят, играя на ветру,
подвески снежной королевы,
озвучив сказку поутру.

Искрится снег, зажженный солнцем,
слепит глаза своей красотой.
Колодца круглое оконце
сияет чистой бирюзой.

ЖАРКИ

Алого буйства жарки —
роскошь таежных дубрав,
рвутся на встречу из трав —
дивный соблазн для руки.

Вольности гордый цветок,
он не ручное создание.
В нем — красота мироздания,
кроткого лета виток.

Чуткое сердце захватит
и опьянит торжеством.
И увлечет на простор,
и вдохновеньем заплатит.

* * *

Просрочено лето —
сентябрь на дворе,
а осень не кажет
свое беспокойство.

И льются лучи
распаленного солнца,
приспевшие к этой
щемящей поре.

Влюбленность природы
в свое увяданье
багряным огнем
загорается вновь.
А всплески его,
как горячая кровь,
нам платят мятежной,
заоблачной данью.

И золото дней
голубой чистоты
рисует пейзажи
прощальной кистью.
Мечты увлекают
в глубокие выси,
сжигая возврата
земные мосты.

* * *

Косы острые,
звонкие косы,
пожалейте
строптивый бурьян —
неприглядно-угрюмую
россыпь
детских слез,
мелких ссадин
и ран.

Травостой
на песчаном пригорке
у забытой
засохшей айвы
мне напомнил
приправы войны —
привкус клевера
в хлебной корке.

* * *

Расплескалась
в синем небе
птичья стая.
Лето ярко
серебрится,
улетая.
И зовет мечты
в края
совсем чужие...
Вот узнать бы
и понять
все
птичьи были:
грустную мелодию
прощанья,
тернии
печального скитанья,
радость
возвращения
к истокам...
Мне
среди людей
так одиноко.

* * *

Разумность — не судья тому пороку,
что нависает безысходным роком
над чьей-то неповинной головой
и, нарушая жизненность устоев,
лжеобвиненья прихотливым роем
постыдный суд задиристо вершат
и опорочить праведность спешат,
и поднимают нестерпимый вопль...
Переупрямить это не дано —
бессильно справедливости упрямяство.
Неприхотливой мудрости подвластно
возвыситься, дабы не пасть на дно.

* * *

И звезд алмазы прожигают взор,
испелеля лунное свеченье.
Ты для меня — таинственный укор:
уйти хочу душой в ночное пенье.

Но холод — лобный холод бытия, —
его не растревожит жгучий пламень.
И звезд алмазы падают, звеня...
К утру сожгу в камине лунный камень.

КОНУС СВЕТА

Луч конический —
сон трагический
из бархата неба
выхватил
призрачность света
кромешной тьмы...

Не помрачайте
наши умы
явью,
которая хуже, чем мрак;
светом,
который призраку — брат.
Конус!
Высвети
стоны и боль
нашего поколения.
Вынеси павших
из ямы забвения
и бездны отчаянья.
О, изваяния!
Сколько же вас,
онемевших от боли!?.
Конус света,
Светоч Разума возроди!

* * *

Не уловить мне дуновенье
мольбы унылого безмолвья,
когда теряется биенье
и сердца, и всеильной воли.
Когда предательски избыты
порывы чувств и нега ласки.
А в неприглядности забытой
вдруг оживают злые сказки.
И не свершиться больше чуду.
И не взыграть живому чувству.
И шепчут отрешенно губы
молитву жизни грустно-тусклой
без радостей и восхищенья
сердец, наполненных печалью...

Но голубицею мгновенье
летит к отметке изначальной,
где не иссяк родник живучий,
не потускнел холодный жемчуг.
И где разряд взъяренной тучи
с грядущей благостью повенчан.

* * *

Иллюзии
иллюстрацией жизни
избрав,
истину потеряешь.
Покой непременно найди
на земле благодатной —
с солнцем и небом,
водой и людьми,
пением птиц
и цветеньем садов
под бесконечно святым
небосводом.

* * *

Заката угасающая скромность.
Диск солнца,
ослепительно-огромный,
расплавив уходящий горизонт,
под ликования гулкий перезвон,
сулит ночной уют
и упоенье
всеобщего значенья —
крепкий сон.
И затаился
пламень восхищенья

под пеленой
седеющего дня.
И он придет,
наполненный страстями,
благословенный
пылкими речами,
земные краски
радостно разлив.
И,
чувствуя живой души порыв,
поднимет нас
на уровень глобальный —
пространственной волны
высокобалльной,
пронизанной
дыханьем синевы.

ЗВЕЗДА ПОБЕДЫ

...И выплывает
ясность бытия
из отчужденья,
слабости и страха.
И горечь затухает,
как свеча,
и луч надежды
восстает из праха.
И ход событий
обретает связь,
закономерность,
сотканную веком...
Звезда Победы,
мужеством светясь,
отождествляет
звание Человека.

ЧЕРНАЯ БЫЛЬ...

1

Идут грибные дожди...
Чернобыль навис
над миром тленным,
отравляя жизнь постепенно.
Грибные дожди не впрок —
обозначен стронций.
Бесконечно жесток урок
под палящим солнцем.

2

Рыдающая круговерть,
как хищный зверь...

Косматой лапы каркас
тучей накроет нас.

Приди, богатырь, все скинь.
Круговерть, сгинь!

* * *

Жемчужина росы.
И милая безделица —
дрожание слезы.

Земная благодать —
явилась рукодельница
художнику под стать.

Весну наобещав,
ушла зима-отшельница
в приволье жухлых трав.

* * *

Заклинаю небесные силы:
сохраните
тепло и надежду.
Принимая
их высшую милость,
стану счастливой.
Буду, как прежде,
благоговеть
пред земной чистотой
Любви и Добра.

* * *

Остров любви,
родников
заповедных.
Жажда.
Тоска.
Ожидание чуда.
Всплески.
Смятенье.
Любовные бредни...
Плыть наугад —
в никуда
ниоткуда?
Страстью
заманит.
С ревностью
бросит.
Нет и в помине
контуров счастья.
И помолчит.

И насмешливо
спросит:
— Можно, я стану
твоею лишь частью?
В мире
огромном —
нас только двое.
Мы
растворились
в теплом дыханье.
И наплывает
что-то святое...
— Это любовь! —
воскликает сознание.

* * *

Арфы хрустальные звуки
чудный взлелеяли сон —
вместо надменной разлуки,
бьются сердца в унисон.

Нежного чувства касаясь,
голос восторженно чист.
Непринужденно растаял
глупого сердца каприз.

И колдовское мгновенье
полнит блаженством, пьяня.
Мне бы набраться терпенья
в жажде венчального дня.

Будет он трепетным счастьем
и вдохновеньем манить.
В арфе, играющей страстно,
рвется печальная нить.

* * *

Навеет сень берез
любви желанье
и жизни лад,
и тень очарованья.
Но, отдаваясь скромно
волшебству,
вкуси отраду
от прикосновенья.
И за чертой
несносного сомненья
не обрети
случайно пустоту.
Колышет ветер
смех берез, как песню,
неся земную радость
в поднебесье.
И чувства воспаряют
в высоту...
Как мне найти
желанную мечту,
а в ней —
и лика отраженье?

* * *

В крови горит огонь желаний...

А.С. Пушкин

Ах, эти вещие слова!
Их колоритности канва
прошита неудержной страстью...
Зачем пленилась вашей властью?

Переступаю убережье
из множества изящных слов —

меня волнует, как и прежде,
одно-единое — Любовь.

* * *

Зови меня иль не зови...
Неукоснительным укором
назвать отсутствие любви
не подлежит немому взору.

Безукоризненность права:
в нелепом подражанье жизни
вся приворотная трава
увянет с глупой укоризной.

Мне ни к чему ее дурман —
мои предсвадебные чувства
развеет с легкостью туман,
как закулисное искусство.

Жизнь — не театр и не игра.
И если брезжит луч надежды —
безукоризненно права
неодурманенная прежность.

* * *

Лаская сердце тонким звуком,
скрипач расплескивает радость.
И мы навстречу тянем руки,
как дети, принимая сладость.
Светясь от чувственной улыбки,
пронзенные всеильным током,
мы так готовы по ошибке
влюбиться в светлорусый локон.

А скрипка, не утратив силу
обожествленного мгновенья,
в свою мечту зовет красиво...
Трепещет сердце в упоенье.

* * *

В любви,
желая совершенства,
я льну восторженной душой
к твоим глазам.
И в их блаженстве
тону,
тону!
И смысл большой
в покорности своей я вижу...
Это не просто колдовство,
а путь
в души закрытой нишу...
Пролейся жизнью,
дивный сон!

* * *

Всего мне осознать
и не дано.
Не властна я
вернуть себя в былое.
Но, продолжая жить
в душевном зное,
я пью воспоминанья,
как вино.

Да, знойность юга
мне мила вполне.

На взморье ночью
хорошо мечталось...
Лежит печатью
белая усталость
на сердце
в этой стылой стороне.

* * *

Охраняя и вкушая
томный трепет искушенья,
ночь прикрыла черной шалью
белоснежность тонкой шеи.

И, смягчая глаз игривость
углубленностью объятий,
дарит выпренную милость
перед призраком распятыя.

Неосознанную шалость
или муки возрожденья
обретем под черной шалью
ослепленного блаженства.

* * *

Вечерние отливы
дневного торжества
таит закат игривый,
воочию представ.

И пробил час прощанья
с прозрачностью небес.
В глубоком ожиданье
горит багряно лес.

Извечные мотивы
созвучной тишины
сулят любви приливы
или — цветные сны.

* * *

На травы сошла благодать
жемчужной плеядой росинок.
А небо — в лазоревой сини.
Глаза твои — небу под стать.

Бог солнца в пятнистом мундире
открыл в рай заветные двери...
И мы, в наслажденье поверив,
забыли про все в этом мире.

Горячее наше светило
за тучку стыдливо сбежало.
Пристрастье огнем воспылало
в полете восторженно-милом.

* * *

Мы созданы
любовью.
И, любя,
добьемся в мире
самоутвержденья.
Лишь в этом —
и награда,
и служенье,
и трепетность
живого бытия.
Мы созданы

прекрасною мечтой —
в ней
искренность
и красота
созвучны,
пока не надоест
благополучье...
Не ты ли первый
станешь
сам не свой?

* * *

Трио — сердце, ум и пылкий взгляд —
все играет неприкрытой страстью,
обжигающей созвучий лад
на взаимное в любви участие.

В померанцевом закате дня
тают все ненужные сомненья.
И чарует, радугой маня,
близкая тебе и мне измена.

* * *

Нет,
мы — не тигры
и не львы.
И укрощенью
не подвластны...
Но укрощают
нас — увы! —
езде
и всюду
ежечасно.

* * *

Вдохновенное
мгновенье
не уходит
без следа,
как весенняя вода —
душам нашим
омовенье
и святое
причащенье.
Жизнь
пульсирует тогда,
если дни
впадают в годы
и раздольно,
и свободно...
Жизнестойкая природа
и чарует,
и манит,
и прозреньем одарит.

* * *

Целебным словом обольстить,
предвосхищая постоянство,
не замечая слез убранство,
мечту в надежду обратить.
Но бремя времени не властно
истоки страсти усыпить
и разорвать тугую нить
неотрешенного участия,
которое любви и счастью —
фундамент крепкий, из камней...
В сумбурной веренице дней
сердец горенье не погаснет.

НАРОДНОЕ

Береза-березонька,
расскажи, поведай мне,
как порою росною
лебедь здесь отведала
криничной водицы.
Лебедь-лебедица —
красная девица.
А вода холодная.
Ох! Да ключевая.
А дивчина гордая.
Ох! Да удалая.

ЖИВ!..

Среди
драгоценных реликвий
я в сердце своем
сохраню
тот, полный страдания,
выкрик,
оброненный
в храбром бою.
В броске он сорвался,
которым
солдат хотел
смерть
обогнать.
А случился
прощальным укором
войне: «Не хочу умирать!»
И часто
в мелодию счастья,
усиленный
в несколько крат,

врывается голос
солдатский:
«Я жив!.. Не хочу умирать!»

* * *

Признанья час!
Пробей всю толщу времени.
Верни любовь и прежнее доверие.
Согрей меня надеждой и мечтой
и увлеку навек за собой,
чтоб никогда безгласья немочь злая
не мучила, скулежно презирая,
не отвращала пустотою взгляд.
А суета толпы за рядом ряд
не раздражала отрешенным тленом.
Приди ко мне, святое жизни время!
Прозрев желанно, озари собой.

* * *

А моря синева — пленит.
А глубина души — чарует.
Судьба мне счастье наколдует,
с которым доведется жить.

Восторг любви всегда короткий:
ее враги — слеза и быт.
Но чувств горячих динамит
не опрокинет нашей лодки.

Скользит она на гребнях волн —
устойчива и безопасна...
И я не сетую напрасно
на уходящий в бездну челн.

* * *

Кристаллизация чувств.
Грани алмаза отточены.
Ярко горит непорочный
пламень восторженных уст.

В призме несбыточных снов
плещется радужность жизни.
Не позволяй укоризне
укорениться в любовь.

* * *

Перед зорькой
ранней, росной
преклоню колени.
Улыбнусь тепло и слезно
и сбегу от лени
на раздолье луговое,
где духмяный воздух
исцеляет от застоя,
от тоски-занозы.
Принесет веселый ветер
чувства-небылицы.
Напоит ручей у вербы
вкусною водицей...
И вернусь светло и чисто
в грусть своей квартиры,
где хрустальный звон ютится
в стенке инкрустированной.
Где в багетовой оправе —
«Русская красавица».
И вещей громада давит...
А мечты не старятся.

* * *

И день,
и тень
ночи бездонной,
заката
трепетное лоно,
тональность
мук сердечных
и любовь,
и страсть,
волнующая кровь, —
все оживает
в смысле новом.
Не уязви мечту
нелепым словом
о милости,
дарованной тобой.
И снова
тьма
сгустится над судьбой
и обозначит
контуром распятым
страданий
очерствелое объятье.
Но нет!
Стряхну сомнений груз...
Я наш приветствую союз!

* * *

Персидской сирени соцветья —
восточного нрава роскошность,
изгнав суету и оплошность,
явили мечту ранним летом.

Уйдя от палящего зноя
в медово-келейную радость,
в объятых желанной отрады,
вкусили хмельного настоя.

* * *

Запах весеннего снега —
свежести милая грусть
и безыскусная нега,
и будоражливость чувств
от расставанья с пригожей
былью морозной зимы.
Но ни на что не похожа
звонко бурлящая всхожесть
раскрепощенной земли.

* * *

Обернусь
белокрылой лебедушкой
и войду
в животворное озеро.
Иль взовьюсь
в поднебесье лазурное
на исходе
звнящего дня.
Но волнует любовь
сладострастная —
не унять ее пыл,
ослепляющий...
И плыву
обнаженно-заманчиво —
околдована жаром огня.

* * *

Определенью не подвластны
приверженное озаренье
и неумное горенье
любви пронзительно-прекрасной.
Душой владея не напрасно,
она поет самозабвенно,
значительно и сокровенно.
Ей не иссякнуть, не упасть —
столь упоительная власть.
И безупречна, и всеильна —
влечет, спасая от унынья.

* * *

А праведность
торжествовать должна.
В ненастный час
она сердцами правит
и никого
коварно не ославит,
и не швырнет
на гильотину зла...
Не оскудей, добра казна.

* * *

Узнай меня в сиянье света,
в потоке животворных струй.
И это трепетное лето
прими, как жаркий поцелуй.

Определи в просторах неба,
тональность истинной глубины..

И поплывет привольно лебедь
в объятия твоей судьбы.

И пламень неистомной страсти
сомненья превратит в угли,
приветствуя взаимность власти
всепоглощающей любви.

* * *

Плывут мажорно звуки чудные,
являя миру гениальность.
И Вечность нам тряхнула кудрями
певца, презревшего банальность.

А всплеск великого творения
звучит в далеком захолустье,
обыденность зовя к прозрению
неиссякаемого чувства.

* * *

Мгновений жизни иллюзорной —
их мало, колдовских минут.
А чаще — не дают уснуть
глаза в согласии покорном.
Непознанность томит, маня.
Душа в смятении игривом:
«Зачем он так красноречиво
все смотрит, смотрит на меня?»
Но неприемлема игра.
И страсть, вскипев непогрешимо,
как призрак, проскользнула мимо...
Знать, не пришла любви пора.

* * *

И робость
позабыв
под жгучим взглядом,
и ощутив
твое дыхание рядом,
ожив душой
и сердцем,
и умом,
преодолев
горы крутой подъем,
вдохнула с облегченьем —
вот награда
за терпеливость
бесконечных дней,
когда,
сгорая в трепетном огне,
стыдилась
в том себе признаться,
что жажду
упоительных объятий.
Но,
оставаясь гордо в стороне,
дышала
преднамеренно спокойно.
И воспевала с пылом
сердца волю,
свободный ум
расчетливо-строптивный,
избавленный
от тяги к волшебству,
которому название — любовь.
Волнуя
неизбывным чувством
кровь,

ты в жизнь мою вошел
как искупленье
томительно-несносного
терпенья.
Не зря
я столько лет тебя ждала.

* * *

На дела и радости обжитые
снизошло догадкой неожиданной —
взять судьбу в счастливый оборот.
Это ль не заманчивый исход?!

И помчались мысли звонкой стаей,
скудость дней обычных обгоняя.
Ярким дивом радуга взметнулась...
От твоей улыбки я очнулась.

* * *

Иван-чай, Иван-да-Марья,
маки, незабудки...
Запестрело разнотравьем
солнечное утро.

И дыханье трав извечных
наполняет силой.
А в душе поет беспечность
звонко и счастливо.

И живут Иван да Марья
рядом и в преданьях,
красотой мирскою правя
в нашем мирозданье.

* * *

Как безвозвратны
дни бывшего счастья
и трепета,
и неги,
и любви...
Но жалости
былое не подвластно —
оно
печальной нежности
сродни.
Пусть развело нас
времени распутье,
оставив
терпкость в сердце
и душе.
Не остужу умом
былые путы,
храня и взгляд,
и вздох,
и каждый жест.
Меняют нам года
и быт,
и облик,
но все ж
былого яркая печать
влечет к себе
помимо нашей воли.
И броситься
ей в ноги —
мне подстать.
Да ни к чему
возвраты и повторы.
Мгновенья встреч
во сне лишь оживлю.

Но так нахлынет
страстно
и бесспорно,
что хочется сорвать
стенанья с губ.

* * *

Воздух лета на травах настоян,
на мучительной жажде любви.
Но смиряет волнение крови
тепкий запах излюбленной хвои.

Колкость животрепещущих игл
отрезвляет смятение мыслей.
Глубина голубеющей выси
извлекает страдания миг.

* * *

Патетика Бетховена.
Аккорды одержимые.
Бунтарство ими вскормлено —
суровое, безгримное.

Не сцена — жизнь озвучила,
взметнув на баррикады,
мятежные созвучия,
величие громады.

Излив тысячелетние
мечты о высшем счастье,
могучее бессмертие
звучит над нами властно.

РОК

О, всадник, рвущийся в века,
судьбу пришпоривая!
Зачем же дрогнула рука
в смертельном споре?

Блеск офицерских эполет,
души уродство.
А для тебя, как пистолет,
любви притворство.

Не предрешал ты спор с судьбой —
отдался року.
И горько реет над тобой
печаль до срока.

Взорвались гневом облака,
как грянул выстрел.
Зачем не дрогнула рука
его убийцы?

ТЕНЬ СОЖЖЕННЫХ...

Колокольный набат —
сердца стон,
боли звон...
Что осталось от хат?
Только трубы торчат.
Над Хатынью моей
стынет тень,
стонет тень
даже в солнечный
праздничный день —
тень

сожженных
детей,
стариков,
матерей.
Ветер пепел развеял
по скорбной земле.
Пчел
привычный конвейер
не виден в траве.
Незабудка лучится,
гарью пахнет полынь...
Мне все снится
и снится
живая Хатынь.

* * *

Берега два
и реки отрешенье.
Вышло и нам
одолеть половодье —
чуждость забвенья
изжить примиреньем.
Жажда единства
два берега сводит.
И позабыли,
где — левый,
где — правый.
Только дрожат
от волненья ресницы...
Нас заманили
пахучие травы
в омут
волшебной криницы.

* * *

Мое чувство к тебе
соткано
из лучей
восходящего солнца —
золотое рядно,
расшитое
небесной лазурью,
изумрудом травы
в сложной гамме
красок
удивительного царства.

* * *

Как может
первая влюбленность
надежду обозначить
на общность
взглядов и речей,
и вздохов, и очарованья?
Нам прелесть
этих упований
дарует
и огонь, и силу,
и восхитительную милость
пьянящего тепла.
И это
высшее пристрастье
кует
самозабвенно счастье.
Вверяем
смело этой власти
и мысли, и дела.

* * *

Выплывает зрелость чувства
под защитой легких сводов,
распростившись с тихой грустью
столь мучительной свободы.
Возликуй, святая воля
единения людского!
Возлюби такую долю
под всеобщим небосводом.

* * *

Отдаваясь воле сердца,
пламенеющего страстью,
отрекаюсь от наследства —
неприкаянного счастья.

Отрекаюсь от невзрачных
пришлых дум, от их печали.
Став наперсницей удачи,
возрождаюсь изначально.

И светясь любовью верной,
и внимая вдохновенно, —
дней ликующие перлы
появляются из тлена!

* * *

Облака,
как каравеллы,
ослепительные, белые,
уходя в дорогу дальнюю
с сопряженной с нею тайною,

зачарованно, завихренно,
торжествующе и выпренно
надо мною
вдруг повисли.
На мгновение застывшие
и в картину превратившиеся,
как игра воображения.
В дивном их расположении —
власть земного притяжения
и награда за терпение,
и тернистость отрезвления...
Миг прозрения грядет.

ВЯЗЫ

Вязы, вязы — зыбки наши.
Нет на свете вязов краше.
Вязь ветвей, сплетенья-корни:
вы — с надеждой и укором,
вы — с любовью и утратой...
К детству нет уже возврата.
Разветвились щедро вязы —
новой жизни смысл и связи.
В них — глубинные истоки
Беларуси синеокой.

* * *

Благосклонное
прошлое,
как ожерелье на шее.
И доверие в нем
процветало
желанным теплом.
В настоящем следы его

маками зреют.
И связать их
хотела бы
сверхбезупречным холстом.
Но беспечность
твоя
распыляет благие порывы,
а причуды судьбы
обретают коварную суть.
И ношу
ожерелье любви
необычно учтиво.
И все реже надеюсь
спокойно уснуть.
Пыткой стал
кровный узел
без любви
и доверия.
Я пытаюсь отторгнуть
изломанно-нервную связь.
Усмиряют меня
разветвления
мудрого дерева,
что былинкою
было когда-то,
на свет народясь.

* * *

Словесность
нам дана в награду
за благодарное общенье.
Потоку слов
безумно рада,
ища в них

мыслей развлеченье.
Но упоенье обещаньем
всегда ли
сердце убажает?
И все же —
в вас души не чаю,
слова изящного ваянья.

* * *

А мастерство
не ищет объясненья —
в нем суть души
и сердца жар
бессменный,
и вера в торжество
добра над злом,
и жизни правда
под прямым углом.

Оно дерзает
трепетно и смело.
И тень сомнения
иметь умеет,
не отдаваясь
гнету пораженья.
Но всегда оно —
любви служенье.

* * *

Разрумянилось лето
спелым яблочным садом.
Нам счастливой приметой —
эта сочная радость.

И заветною песней —
сбор плодов и желаний.
Под руками трепещет
яблоневое пламя.

Спелым яблоком солнце
к горизонту скатилось.
Я хочу, чтобы звонко
счастье в жизни свершилось.

Даже темною ночью
щечки яблок пылали —
разлилось непорочно
яблоневое пламя.

* * *

А верное счастье
былым отзовется.
Оно затерялось
в сияющих звездах.
Но где-то подспудно
в неясном мгновенье
прорвется осознанно
трепетным пеньем.
И грани огранятся
чутким настроем.
И мысли помчатся
ликующей тройкой.
И Млечным путем
унесут без оглядки...
Мы перед прошлым —
в долгу неоплатном.

* * *

Коловращается Земля.
И головокружение,
преодолев
безропотно себя,
приводит
в равновесие
систему
из множества
значительных
событий
и дел,
и откровений бытия.
Натужно рвутся
тягостные пути
и выплывает
из глубин распутья
прозрачность мыслей,
виденье стези
и благодарность
памяти былого.
Большое чувство
возрождает снова
и красоту,
и ясность,
и всесильность.
И краски жизни,
и блаженства милость
поют о вечном
миру поклоненье.
О, естество!
Найди
в любви терпенье...
Коловращается Земля.

* * *

Отныне
счастья упование
надежду светлую
сулит,
явившись в душу
гостем званым
так долгожданно
и желанно,
меняет жизни
колорит,
предвосхищением пьянит...
Восторгом кружит
и успехом.
И, заливаясь звонким смехом,
в заоблачную даль манит.

* * *

Произнеси прощенья слова —
прощу, упившись искренним признаньем.
Не стану я бездушным изваяньем —
от слов твоих кружится голова.

Взыграй душой и сердцем, и умом
в полете чувств, благословенно милом.
И я, отдавшись радости всеильной,
упреки все оставляю на потом.

Произнеси признания слова —
и запоют восторженные струны.
И вновь сольются в озаренье лунном
непринужденно-страстные уста.

* * *

Восхитительной отрадой
поцелуй горячий даришь.
И клянешься, Бога ради,
что любить не перестанешь.

И лелеешь смелость жеста
в несомненном приближенье.
И питаешь чувства лестью.
И грустишь в уединенье.

И привязываешь скромно
обожаемую к страсти...
Безмятежная покорность
воскликает молча: «Властвуй!»

* * *

Разноголосье
музыкальных фраз,
изысканно звучащих
в мирозданье,
привносит
восхитительный экстаз,
чаруя
совершенностью призыванья.
Восторг души
и преданность сердец,
извечные
любовные мотивы,
свободы
торжествующий венец
озвучат
трепетные переливы —

журчанье,
трели,
шепот,
водопад,
гром,
гул текущей лавы...
В них —
сверхоочарованья
милый лад
и почитанья
роковая слава,
и безмятежность
сладостной слезы —
росинки в этом море
благозвучья,
и устремленья
пламенной стези,
вознесшейся
на пик благополучья.
О, музыка, благослови меня!

* * *

Ночной фиалкой
снизошло.
Дыханьем жарким
обожгло.
Без удержу
спонтанность страсти
душою властвует подчас —
не отвести
влюбленных глаз
и не унять
биенье сердца...

И яркой краскою
зардеться
не от смятенья —
от любви.

* * *

Бескрайность
звездного пространства,
непостижимость глубины...
Летит звездой
из дальних странствий
в реальность
и земные сны.
Вершить крылато
наши судьбы —
предназначенье звездных вех.
Смотри-ка —
сколько звезд повсюду!
Их слышу звон...
Их вижу смех.

* * *

О, пресловутость
чувственной
любви!
Она ль наградой
даст нам всплеск
всесильной радости
и ощущение
нужности
друг другу?
Ах!

В увлеченности
теряем мы
рассудок.
И, задохнувшись
от прилива чувств,
не обретаем
изощренный вкус
и утонченность
вдохновенной жизни.
А может, это —
увяданья признак,
коль угасает
пламенность
любви?
Так пусть
сосуд блаженства
не расплещет
божественный нектар
по малым каплям,
а узаконит
благодетельной клятвой
всевластное
царенье чистоты.

Содержание

Доля	5
Возрождение	5
* * * <i>Бездержная одержимость</i>	6
Репродукция	7
Дирижер	7
* * * <i>Если теплится надежда</i>	8
* * * <i>Долгожданность платит данью</i>	8
* * * <i>Дождь, лаская лепестки жасмина</i>	9
* * * <i>Что-то есть</i>	9
* * * <i>Чистота сокровенного взгляда</i>	10
* * * <i>Блеск и естество</i>	10
* * * <i>В глаза взглянуть</i>	11
* * * <i>Из струн души</i>	11
* * * <i>С васильковой улыбкой</i>	12
* * * <i>Сарасате</i>	12
* * * <i>Вздыхнул бутон</i>	13
* * * <i>Зарябила в глазах рябинушка</i>	14
* * * <i>Имя твое</i>	14
Исток	15
* * * <i>Золотая мечта</i>	15
* * * <i>Принеси — благослови</i>	15
Богатство	16
* * * <i>Ах, ромашки</i>	16
Лоза	17
Аул	18
* * * <i>Звучно запела свирель</i>	18
Шутка	18
Морошка	19
* * * <i>Не сочту ненужной пустошью</i>	19
* * * <i>Причудливы зимы напевы</i>	20
Жарки	20
* * * <i>Просрочено лето</i>	20
* * * <i>Косы острые</i>	21
* * * <i>Расплескалась в синем небе</i>	22
* * * <i>Разумность — не судья</i>	23
* * * <i>И звезд алмазы</i>	23
Конус света	23
* * * <i>Не уловить мне</i>	24
* * * <i>Иллюзии</i>	25
* * * <i>Заката угасающая скромность</i>	25
Звезда Победы	26
Черная быль	27
* * * <i>Жемчужина росы</i>	27
* * * <i>Заклинаю небесные силы</i>	28
* * * <i>Остров любви</i>	28
* * * <i>Арфы хрустальные звуки</i>	29
* * * <i>Навеет сень берез</i>	30
* * * <i>Ах, эти вещице слова</i>	30
* * * <i>Зови меня иль не зови</i>	31
* * * <i>Лаская сердце</i>	31
* * * <i>В любви</i>	32

* * * <i>Всего мне осознать и не да но...</i>	32
* * * <i>Охраняя и вкушая...</i>	33
* * * <i>Вечерние отливы...</i>	33
* * * <i>На травы сошла благодать...</i>	34
* * * <i>Мы созданы любовью...</i>	34
* * * <i>Трио — сердце, ум и пылкий взгляд...</i>	35
* * * <i>Нет, мы — не тигры...</i>	35
* * * <i>Вдохновенное мгновенье...</i>	36
* * * <i>Целебным словом...</i>	36
Народное	37
Жив!	37
* * * <i>Признанья час...</i>	38
* * * <i>А моря синева...</i>	38
* * * <i>Кристаллизация чувств...</i>	39
* * * <i>Перед зорькой...</i>	39
* * * <i>И день, и тень...</i>	40
* * * <i>Персидской сирени соцветья...</i>	40
* * * <i>Запах весеннего снега...</i>	41
* * * <i>Обернусь белокрылой лебедушкой...</i>	41
* * * <i>Определенью не подвластны...</i>	42
* * * <i>А праведность...</i>	42
* * * <i>Узнай меня...</i>	42
* * * <i>Плывут мажорно звуки чудные...</i>	43
* * * <i>Мгновений жизни иллюзорной...</i>	43
* * * <i>И робость позабыв...</i>	44
* * * <i>На дела и радости обжитые...</i>	45
* * * <i>Иван-чай, Иван-да-Марья...</i>	45
* * * <i>Как безвозвратны дни...</i>	46
* * * <i>Воздух лета...</i>	47
* * * <i>Патетика Бетховена...</i>	47
Рок	48
Тень сожженных	48
* * * <i>Берега два...</i>	49
* * * <i>Мое чувство к тебе...</i>	50
* * * <i>Как может первая влюбленность...</i>	50
* * * <i>Выплывает зрелость чувства...</i>	51
* * * <i>Отдаваясь воле сердца...</i>	51
* * * <i>Облака...</i>	51
Вязы	52
* * * <i>Благосклонное прошлое...</i>	52
* * * <i>Словесность нам дана в награду...</i>	53
* * * <i>А мастерство не ищет объясненья...</i>	54
* * * <i>Разрумянилось лето...</i>	54
* * * <i>А верное счастье былым отзовется...</i>	55
* * * <i>Коловращается Земля...</i>	56
* * * <i>Отныне...</i>	57
* * * <i>Произнеси прощенья слова...</i>	57
* * * <i>Восхитительной отрадой...</i>	58
* * * <i>Разноголосье музыкальных фраз...</i>	58
* * * <i>Ночной фиалкой...</i>	59
* * * <i>Бескрайность звездного пространства...</i>	60
* * * <i>О, пресловутость чувственной любви...</i>	60

Литературно-художественное издание

Медведева Лидия Петровна

Конус Света

Стихи

Ответственный за выпуск *А. Аношко*

Редактор *А. Масаренко*

Корректор *Н. Дорофейчик*

Компьютерный набор и верстка *Д. Андреев*